

Олег Пустовой

В сетях контрабанды

1

Аслан Бакаев, внезапно, проснулся от утомительной тяжести внизу живота. Ему показалось, что там создано давление в несколько десятков атмосфер и неравен час, когда может что-нибудь взорваться, словно заложенное в укромном месте взрывное устройство. Слава Аллаху, сработал биологический будильник, и беды удалось избежать. Теперь точно не будет никакого взрыва. Биологический будильник сработал вовремя, и это обстоятельство взбодрило Бакаева. Сквозь узкие щели, слегка приоткрытых пластиковых ролет, неуловимыми солнечными зайчиками, яростно врывались в комнату, назойливые пучки солнечных лучей. В морской столице Турции, городе с многовековыми традициями и славным историческим прошлым — Стамбуле, медленно всходило утреннее солнце.

Стамбул — единственный город в мире, стоящий на двух континентах сразу, а именно: в Европе и Азии. Кстати, единственный город, который успел побывать столицей трёх великих империй: Византийской, Римской и Османской, к

тому же, одной малоизвестной империи — Латинской империи крестоносцев. Великие столицы древности с веками старели и превращались в пыль, как Вавилон и Карфаген, становятся работающими пенсионерами, как Фивы или превращаются в солидных рантье, как Рим и Афины. Однако Стамбул от своего бурного прошлого нисколько не утомился. Он остался всё тем же темпераментным и активным городом-перекрёстком, что и тысячу лет назад. Сколько в нём жителей, и какой они национальности, точно никому не известно. Городские власти называют цифры от десяти до четырнадцати миллионов. Все они общаются, работают, молятся и веселятся в непосредственной близости от памятников с тысячелетней историей. Такой пример могут составить мечети Айя-София и Ахмедия, где был раньше собор Святой Софии, построенный ещё в 537 году после рождества Христова. В 1453 году к собору успешно пристроили минареты, замазали штукатуркой внутренние фрески с христианскими рисунками и таким мало затратным способом превратили собор в мечеть. Ещё через пятьсот лет великий Ататюрк сделал из Айя-Софии музей.

Сейчас на некоторых стенах музея расчистили христианские фрески, на других оставили, не менее прекрасные, исламские орнаменты и

каллиграфически расписанные цитаты из Корана. Мечеть Ахмедия младше от Айя-Софии, почти на тысячу лет. Из-за стен, покрытых голубой эмалью, её ещё называют голубой мечетью. У Ахмедии шесть минаретов, поэтому, когда её построили, у Большой мечети в Мекке, срочно пришлось возводить седьмую башню, дабы главная мусульманская святыня оставалась вне конкуренции. Самое прекрасное в интерьере Ахмедии — огромный мозаичный купол и витражи, которые делались совершенно по другому принципу, чем делали в Европе. Здесь кусочки стекла скреплялись не свинцовыми переплётками, а клеились раствором из яичного желтка и мелко нарезанной овечьей шерсти.

По такому замечательному городу было интересно гулять, а ещё интереснее жить и заниматься рэкетом, щупая СНГовских «челноков» и мелких бизнесменов, решивших получить выгодную прибыль от турецкого ширпотреба.

Ибо Бакаева мало интересовали мечети и историческое прошлое Стамбула. Его интересовали бывшие сограждане по «великому и могучему», которых он держал в страхе. С помощью таких же отморожков, как и сам, он получал желаемые «зелёные» денежки, с которыми так привольно и вольготно жилось в этом замечательном городе. И, хотя, квартира, которую снимал Аслан,

находилась прямо на набережной, рядом с самым городским историческим центром, он редко ходил по интересным туристическим маршрутам. Его больше интересовали большие базары, морской вокзал, припортовые магазинчики. Там он чувствовал себя, словно, рыба в воде. Вот и квартиру снял на набережной Босфора в нескольких кварталах от знаменитого Еолотасарая. Бакаев считал себя избранным князьком, на что была воля старейшин, поэтому жил сам, отдельно от своих братьев-шакалов, иногда позволяя себе сожительство с девицами из Украины, Молдовы и Приднестровья, залетавшими в этот живой город подзаработать, промышляя древнейшей на земле профессией. Некоторые «жрицы любви» были для него однодневками, словно, разовые шприцы, а, особо отличившихся, он оставлял пожить с ним, до тех пор, пока не находился кто-нибудь, на кого он западал так, что катился с катушек. С девицами Бакаев был обходительным, щедро одаривал их всякими женскими побрякушками, давал мелочь на пропитание, а особо избранным, выплачивал достойные гонорары.

Проснувшись, он обнаружил рядом тёплое женское тело, это была его последняя пассия по кличке Марго, роскошная девушка, залетевшая в Стамбул из непризнанного приднестровского Тирасполя. Марго, уже больше недели жила у

Акелы. Под таким погонялом знали Бакаева многие СНЕовские челноки и мелкие турецкие торгаши. Легализовавшись в Турции ещё в начале 90-х, Акела сумел сколотить банду себе подобных отморожков со своей исторической родины, названной впоследствии Ичкерией, пачками, прибывавшими тогда в Турцию для поиска крутой забугорной жизни или убегающими от возмездия Фемиды. Занимаясь антиобщественными делами: сутенёрством, торговлей наркотиками, рэккетом и чистым грабежом своих бывших сограждан, Акела сумел выйти в лидеры и держал в страхе всю базарную часть Стамбула. Такой род деятельности приносил Бакаеву приличный доход и он, спустя полтора года после легализации, уже мог снимать приличную трёхкомнатную квартиру с отдельной спальней, залой, кабинетом и кухней. Зала и кухня выходили окнами в сторону Босфора, и Акела любил часами стоять у окна, наблюдая за рейдом и проходящими по проливу морскими судами.

Его шакалы не гнушались грабежей украинских и русских моряков, вышедших в Стамбуле в увольнение, чтобы привезти домой какого-нибудь ширпотреба для дальнейшей реализации с целью небольшого навару. Своего рода такой же бизнес, как у челноков, только масштабы были гораздо меньшими.

Расслабившись за время безответственной

демократии и дикого капитализма, забыв о помполитах и пресловутых «тройках», моряки позволяли себе сходить в увольнение в одиночку и, даже, принять на грудь приличную дозу алкоголя, одичав за долгие месяцы морских переходов. Именно такие смельчаки и становились лёгкой добычей Бакаевских отморозков. С началом революционных преобразований и борьбой, за так называемую, независимость в Чеченской автономии, Аслану работы прибавилось. Ему пришлось плотно общаться с чеченскими сепаратистами, часто гастролировавшими в Турции. Помимо привычного нелегального и криминального бизнеса, он стал курьером и агентом некоторых, новообразованных, при помощи чеченского капитала, фирм, занимающихся солидным, но сомнительным бизнесом, сопряжённым с теневым капиталом и самой настоящей контрабандой. Налаживалась переброска из Европы на Кавказ ворованных транспортных средств. Заранее подготовленные автомобили престижных марок, грузились внутрь контейнера в Италии или Франции и прибывали на морских торговых судах в Стамбул. Через руки Аслана проходила, почти вся чеченская контрабанда автомобилями, тормозившаяся на перевалочных контейнерных терминалах в портах Амбарлы близ Стамбула и в самом Стамбуле. Теперь Бакаев был

не просто бандит, но и сотрудником легальных фирм и, как всем нормальным работающим людям, ему приходилось вставать рано, ибо, как говорится: волка ноги кормят; ранок-панок; кто рано встаёт — тому Бог даёт и тому подобное. Так, что, веселье, весельем, а на работу вставать надо.

— Марго, который час? — спросил на русском Аслан свою пассию, сладко вздыхая. Марго, уже не спала, она, словно, ждала пробуждения своего нового хозяина и в один миг, взглянув на электронный будильник, находившийся на прикроватной тумбочке, с ярко выраженной радостью, сообщила:

— Без четверти десять, на улице уже день!

— Это хорошо, Марго, у меня ещё есть время, — сказал Аслан, размышляя о предстоящей занятости, и обращаясь к Марго, приказал: — Женщина! Приготовь мне покушать и свари кофе!

Марго беспрекословно приняла приказание хозяина и, накинув на голое тело лёгкий голубенький пеньюар, растворилась за дверью спальни.

Бакаев поднялся и, посетив сортир, стал принимать ванну, размышляя о делах, запланированных на день. А дела у него сегодня были важными, как никогда. В обеденное время ему предстояла встреча в шикарном отеле «Пера Палас». Приезжал большой человек из окружения

самого Шамиля Мусаева. Подпольная кличка важной персоны значилась под кодовым именем, «Ериф». Эту информацию Бакаев получил по мобильному телефону от курьера, прибывшего накануне вечером из лагеря подготовки боевиков в горных районах Курдистана.

Он узнал, что Ериф — птица высокого полёта и на приём к такому важному и авторитетному земляку, надо идти в соответственной одежде делового стиля, чтобы не посрамить честь и достоинство уважаемого человека. Для такого приёма Аслан имел очень неплохой костюмчик, хоть и турецкий, но высокого качества. Одевшись в костюм, Аслан стал рассматривать себя в зеркало. Костюмчик сидел на нём, словно по нему снимали лекала, а стальной, с серебристым отливом, цвет, подходил для всех времён года. Под костюм Бакаев одел малинового цвета рубашку и серебристый, с крупными серыми ромбами, галстук. Собственное отражение в зеркале Аслану понравилось. На него смотрел достойный мужчина, выглядевший, по меньшей мере, как начинающий бизнесмен. Показавшись Марго и, получив одобрительную оценку, он снял одежду, накинул халат и снова пошёл в ванную. Ему не понравилось обросшее крупной щетиной лицо. Взяв маленькие ножнички, он подровнял крупные чёрные усы под выразительным, словно орлиный клюв, носом и

обстриг края бородки. После чего взял бритву и сбрил всё лишнее. Теперь лицо выглядело гораздо солиднее. Коротко стриженные смолянистые волосы ровной чёлкой падали на широкий лоб, а из-под крупных бровей цвета волос, смотрели чёрные угольки карих глаз. Довольный своей внешностью, Аслан улыбнулся, сам себе, в зеркало и его тонкие губы обнажили ровный ряд крепких, отдававших желтизной от обильного курения, зубов, с маленькой узкой щёлочкой посередине верхнего ряда. Теперь можно и позавтракать.

Завтрак был на столе, и Марго дожидалась своего хозяина на кухне, чтобы достойно за ним поухаживать. Однако Аслан не стал много разговаривать, он молча прожевал горячие бутерброды с сыром и бараньей колбасой, выпил крепкого свежесваренного кофе и, кинув Марго скупое «спасибо», быстро ушёл в спальню, где снова оделся в подготовленный костюм. Проходя мимо большого зеркала, стоящего в широкой прихожей, он не смог удержаться и ещё раз посмотрел на себя красавца, поправляя рукой чёлку. Сделав довольное лицо, он достал мобильный телефон, нажал кнопку быстрого набора, затем сделал вызов и, дождавшись ответа, приказал на родном языке:

— Джин, машину к подъезду! Алё, Джин! Ты, понял? Да, я жду!

Посматривая в сторону кухни, откуда выглядывала Марго, он взмахом руки, подозвал её к себе, продолжая разговаривать с водителем.

— Да, Джин, да! Я уже выхожу! — крикнул Бакаев в трубку мобилки и, обращаясь к Марго, резко перешёл на русский: — Женщина, я уезжаю до вечера. Можешь прогуляться по магазинам. Под вечер позвоню. Всё, пока!

Бакаев вошёл в свою роль. Теперь это был всесильный Акела. Выйдя на улицу через красивые ворота ажурной художественнойковки, выкрашенные чёрной глянцевой краской, он остановился у прикрытой калитки. Тут же перед ним остановился чёрный БМВ «шестой» модели, и Джин, так погоняли водителя Акелы, услужливыми жестами лакея, открыл перед хозяином правую переднюю дверку, приглашая боса в мягкое велюровое нутро шикарного автомобиля.

Джин работал на Бакаева больше года. Своё погоняло, он получил из-за густых чёрных бровей, похожих на брови киношного Джина из старого доброго фильма «Лампа Аладдина». Бакаев подобрал Джина в одном из горных отрядов, где готовилось молодое пополнение боевиков для, так называемой «освободительной борьбы чеченского народа». Расул Сахоев, такое было полное имя Джина, получил тяжёлое ранение голеностопного сустава левой ноги, во время обучения взрывному

делу и Аслан обеспечивал его лечение в одной из частных клиник Стамбула. Поставив Расула на ноги, Бакаев попросил разрешения у высокопоставленных полевых командиров, оставить Сахоева при себе. Сначала Джин выполнял поручения домохозяйки, он умел неплохо готовить, и курьера по особо важным делам. Затем выяснилось, что у Сахоева есть водительские права и он хороший «драйвер». Поэтому не суждено было Расулу влиться в ряды «воинов ислама» и участвовать в борьбе за независимость своего народа на передовых боевых позициях, но он смог стать одним из приближённых бойцов из бандитской бригады Акелы.

Прихрамывая на левую ногу, Джин закрыл за босом двери и, обойдя машину спереди капота, занял место водителя. Легко тронувшись с места, Джин быстро разогнал машину до скорости шестьдесят километров и, притормозив на перекрёстке, лихо вырулил из переулка на широкую улицу с двухсторонним движением в оба конца. До встречи с уважаемым Шамилем Мусаевым оставалось ещё полтора часа, и Акела велел Джину завернуть на, так называемый Рыбный базар, где его шакалы вели свой «отмороженный бизнес». Не доезжая метров двадцать до центрального входа в этот многолюдный восточный базар, Джин резко затормозил, и умело припарковался в, тут же

освободившемся перед ними, кармане. Получив распоряжение боса, он вышел из машины и, хромая, стал удаляться в сторону базара, быстро слившись с многолюдной и многонациональной толпой гостей и жителей Стамбула.

В то время, когда Джин занимался делом, Бакаев решил немножко расслабиться. Он достал первый, попавшийся под руку, компакт-диск, сунул его в щель магнитолы и мощные динамики наполнили пустоту автомобильного салона задорной мелодией аргентинского танго. Барабня тонкими и длинными пальцами по панели мягкой пластмассовой торпеды в такт лившейся мелодии, Бакаев достал из бардачка пачку сигарет «Кэмел» и, прикурив сигарету от автомобильного прикуривателя, приоткрыл слегка двери автомобиля.

Наслаждаясь ритмами танго и ароматом сигаретного дыма, он без особого интереса стал рассматривать лица прохожих, терпеливо поглядывая на часы и в сторону толпы, которая совсем недавно поглотила Джина.

Джин появился минут через двадцать. По его недовольной физиономии, похожей на известного артиста кино Мкртчяна, Акела понял, что улов на сегодня был не густой, а получая в руки худенький пакетик с деньгами, лично в этом убедился. Устраивать нравоучительные разборки он не стал.

Сегодня у него на это, просто, не было времени, но заметочку в своём биологическом компьютере, где вместо микросхем было серое вещество, он для себя сделал. Деньги он спрятал в чёрную кожаную барсетку, где лежала плотная пачка долларовых соток, перетянутая чёрной резинкой. Эти деньги предназначались для Грифа.

По дороге в «Пера Палас», они проезжали мимо серьёзного табачного магазина. Акела приказал Джину сделать остановку, а сам умчался в магазин. Находясь в магазине, несколько минут, он успел выбрать коробку фирменных кубинских сигар в подарочной упаковке с тиснённым золотым шрифтом на английском языке и, умело рассчитавшись кредитной карточкой, не забыв пофлиртовать с интересной молодой продавщицей, растворился за прозрачной автоматической стеклянной дверью. Тут же, в холле магазина, Аслан купил для себя пару пачек «Кэмела» и вернулся в машину. Время быстро приближалось к назначенному для «рандеву» часу и Аслану очень хотелось поразить своего куратора неопровержимой пунктуальностью.

Заметив приближавшегося боса, Джин исправно провернул ключ в замке зажигания, слегка сделал перегазовку, по старой шофёрской привычке, хотя его стальному коню такое мероприятие было совершенно лишнее, открыл

дверцу перед босом и вежливо поинтересовался: В «Пера Палас», хозяин?

Да, — коротко ответил Акела, занимая своё хозяйское место и только тогда, когда машина резко рванула с места и стала набирать скорость, назидательно предупредил: — Заедем на стоянку с парадного входа.

Джин кивнул головой, продолжая жать на акселератор и контролируя небезопасную дорогу. Набрав нужную скорость, машина продолжала лихо нестись по солнечным улицам Стамбула. Останавливаясь на красный свет светофора и, пропуская расторопных пешеходов, Джин нервно нажимал акселератор, пытаясь таким образом поторапливать городских зевак, утомлённых августовским зноем туристов и шумливую молодёжь. Промчавшись несколько кварталов, они свернули на нужном повороте и, занимая освободившийся карман, быстро припарковались возле шикарного пятизвёздочного отеля, капитально заняв место стоянки.

— Стой здесь и никуда не отлучайся, — распорядился Акела, сверля Джина своим проницательным взглядом. — Когда освобожусь, только Аллаху известно, так что, наберись терпения и жди.

На что, Джин молча кивнул головой и без лишних вопросов, открыл перед хозяином двери

автомобиля.

Акела не спеша поднялся через несколько широких ступенек перед парадным входом в массивную деревянную дверь, сунул в руку услужливому портье доллар и растворился в холле царского отеля. Пройдя по огромному холлу в сторону широкой мраморной лестницы, ведущей на этажи, он решил не подниматься лифтом, благо подниматься всего-то надо было на второй этаж. Мягко ступая по ворсистому красно-жёлтому ковру, Бакаев быстро нашёл нужный ему номер и уверенно постучался в большую двух створчатую дверь белого цвета. Двери тут же открылись и Аслан, чуть было не столкнулся, лоб в лоб, с высоким чернявым абреком, одетым в чёрные брюки и чёрную безрукавку. Абрек направил на Бакаева свой гипнотический взор и без лишних вопросов стал сверлить гостя отработанным пронзительным антрацитовым взглядом, взглядом, который Аслан выдержать не смог.

Я — Акела, меня здесь ждут, — коротко бросил Бакаев, пытаясь пройти в двери. Абрек продолжал стоять в проёме двери, словно статуя, и, только повернув голову в сторону внутренней части номера, отработано спросил резким поставленным голосом: Хозяин, у нас гость, прибыл Акела!

Зови гостя, Рустам, — услышал Аслан хриплый баритон хозяина номера.

Абрек посторонился и, словно, послушный лакей, вежливо пригласил гостя в комнату: Проходи, дорогой Акела, хозяин в гостиной.

Проходя мимо Рустама, Аслан гордо проследовал из прихожей в просторный зал и сразу увидел вальяжно сидевшего на лоснящемся кожаном диване чёрного цвета, широкоплечего мужчину при широкой курчавистой чёрной бороде с мелкой проседью. Мужчина курил кальян и пил кофе, не обращая на гостя серьёзного внимания, подчёркивая этим свой превосходящий статус, сразу давая понять Бакаеву: кто есть кто?

Асалам алейкум, хозяин! — вежливо поздоровался Аслан, остановившись посреди комнаты.

Ваалейкум садам, джигит! — незначительно прохрипел мужчина и проворно поднялся навстречу гостю.

Из густой седеющей шевелюры, резко сливающейся с такой же густой курчавой бородой, смотрели на Бакаева пытливые карие глаза. Мужчины сделали на встречу друг другу по несколько шагов и обнялись, символически целуясь: крест-накрест. Аслан был немного выше куратора, и ему пришлось слегка нагнуться.

Дорогой Аслан, зови меня по имени Шамиль, — предложил хозяин, невзирая на свой статус и возраст. Затем сделал паузу и добавил. —

А можно и вовсе очень просто — Гриф.

Он предложил гостю присесть. Повернувшись в сторону услужливого Рустама, Гриф по-хозяйски распорядился, приказав сделать гостю чашечку кофе. Когда абрек удалился в одну из комнат, Гриф дружески похлопал Бакаева по плечу и спросил: Так с чем же ты пожаловал, дорогой Аслан-Акела? Рассказывай брат.

Звонили мне. Сказали надо. Вот я здесь, — коротко ответил Акела, положив на стол коробку с сигарами и дружески улыбнувшись, добавил. — Это в честь знакомства, а это мой взнос в наше общее дело. — Он положил на стол плотную пачку сто долларовых американских ассигнаций перетянутых чёрной резинкой. Гриф не стал при Бакаеве пересчитывать деньги. Он только подкинул их на своей широкой ладони, таким образом, проверив пресс содержимого пакета на вес, словно опытный банкир и спросил с, только ему понятным, ехидством:

— Судя по весу «гринов», дела твои, Акела, не блещут успехом?

— Есть такой огрех, — только и смог вымолвить Акела в своё оправдание, опустив голову, словно провинившийся школьник перед сатрапом учителем.

Он как-то виновато посмотрел Грифу в глаза и долго пытался ему прояснить сложившуюся в своём

бизнесе ситуацию. Конечно те времена, когда неопытные СНГовские челноки, одичавшие за «железным занавесом», брали приступом Стамбульские базары, уж канули в лету. Проглотив порцию свободы, они рвались в Турцию за, так называемым «товаром широкого потребления», прозванным народом в сокращённой форме «ширпотребом». Они, словно, изголодавшимися волчьими стаями, шныряли по Стамбульским базарам, сметая в свои полосатые сумки, прозванными в народе «мечтой оккупанта» весь неприхотливый турецкий товар без разбору. Конечно, тогда Стамбул для Акелы был Клондайком. Но он никак не мог объяснить Грифу, что времена изменились. Челноки, как таковые, полностью перевелись. Остались только те, кто занялся серьёзным бизнесом, завязав крепкие связи с местными фабриками и хозяевами заводов. Товар весь переправляется машинами и контейнерами на самом высоком технологическом и коммерческом уровне, легально и со всеми вытекающими последствиями, пересекая государственные и таможенные кордоны. На крепкого бизнесмена, прошедшего огонь и воду в становлении своего бизнеса, не так-то легко наехать, как на перепуганного челнока, который ещё не знал, как отличить турецкую лиру от итальянской или французский франк от швейцарского. Тогда братки

его хорошо потрудились и, только благодаря такому беспределу, произошло становление Акелы, как одного из самых крутых стамбульских рэкетиров. Пришлось Бакаеву о многом поведать дорогому Грифу, посвящая куратора в эти хитросплетённые сети нелегального бизнеса. Он рассказал ему и о наезде своих братков на украинский грузопассажирский паром «Каледония». На то время, они беспредельничали, не зная страха и препятствий со стороны турецких властей. Конечно, паром им был не по зубам, и этот наезд вышел боком. Какое-никакое, но Турция, всё-таки, есть правовое государство и такого произвола не потерпела. Только, благодаря высокопоставленным чинам чеченских братков, пустивших свои корни в Турции и деньгам, отведённым на подготовку сепаратистских боевиков в горах Курдистана, удалось выкупить «шкуру» Акелы и нескольких его лучших братков. Хотя и пришлось оставить для турецкого правосудия пятерых неопытных молодчиков, ничего не смыслящих и не знающих, о широком размахе криминального бизнеса Акелы в Стамбуле. Не стал рассказывать только о том, как его братки щупали российских и украинских моряков, так как эти побочные мероприятия не всегда увенчивались успехом. Зачастую моряки попадались не из трусливого десятка. Ходили они, в основном, по так

называемым «тройкам». Иногда бывало, что кто-то заезжает у какой-то лавчонки и, пока, шакалы Акелы пытались обработать зеваку, тут же поспевали на помощь другие члены команды, из уволенных на берег моряков, и наезд превращался в скандальную потасовку, а лавры победоносного венца доставались зачастую отчаянным морякам.

Когда Акела замолчал, продолжая мысленно рассуждать о прошлых безрезультатных наездах на моряков, Гриф прервал его раздумья ироническим смехом.

— Да, наслышан я о твоих похождениях, брат Акела, наслышан, — он попытался подбодрить своего гостя, придвинул ему чашечку густого свежесваренного чёрного кофе, источающего стойкий чарующий аромат, и назидательно продолжил свою реплику. — Видишь ли, брат, время на месте не стоит. Всё поменялось в твоём бизнесе, всё меняется и в самом мире, в котором нам суждено жить. Всё, брат, проходит, всё меняется. — Он значительно взглянул на Бакаева и сказал решающую фразу: — Меняемся и мы, дорогой Акела. Меняется и наш бизнес.

Аслан проснулся от своих мыслей и вопросительно посмотрел в чёрные прозорливые глаза своего куратора, пытаясь в них открыть для себя тайный смысл сказанных Грифом слов. Он ни на минуту не сомневался в сказанном и впитывал

услышанное, словно молоко матери и, переваривая всё, как-то пытался вникнуть, проникаясь всем своим сознанием, в новую стадию будущей деятельности.

— Ты даже представить себе не можешь, брат Акела, какое мы доходное дело организовываем, — продолжал свою речь Гриф, словно находясь на трибуне перед многочисленной аудиторией. — Это крупный бизнес, брат. Очень крупный. Наши люди в Европе организовали и уже наладили канал поставки тачек из Евросоюза. На севере Италии под нашей крышей заработал приличный автосервис. Мы в доле с хозяином итальянцем. Слесарят там хохлы из западной Украины, мужики надёжные и за дополнительную плату очень сговорчивые, а главное умельцы. Так, вот что! Сама суть в том, что такой себе автосервис, это брат мой, только лёгкое легальное прикрытие нашего тайного бизнеса. Поверь, этот бизнес намного масштабнее. Наши люди в Европе получают заказ на крутые и навороченные тачки а, пользуясь беспечностью зажавшихся буржуев, просто угоняют их, словно цыган лошадь. Дальше всё идёт, как по маслу: машины доставляются в нашу мастерскую, которая находится вблизи городка Марина ди Караре, там братки хохлы умело перебивают номера, обновляют и перекрашивают их до неузнаваемости, словом, получается совсем другая машина. Итальянец по

своим каналам делает липовые документы и оформляет купчую на наших же людей. Дальше, ещё интереснее. — Гриф продолжал говорить, входя в раж с таким азартом, словно это было какое-то изобретение века. — Тачки закатываются в морские контейнера и морем доставляются в морские порты Турции Стамбул и Амбарлы. Вот теперь настает твой черёд в этой общей нашей цепочке. Твоя прямая задача заключается в получении груза, вроде бы турецкая фирма, но фирма будет липовая или однодневка, чтобы запутать следы, словом товар затерялся в Турции. А на самом деле уже под другими документами, как транзитный груз ты переправляешь эти же тачки трейлерами на турецко-грузинскую границу. Дальше тачки возьмут под наблюдение наши люди в Грузии. Ты, Аслан, на бизнесе будешь иметь пять процентов от общей сделки, это то, что касается твоей личной доли, кроме этого, отдельно будешь получать деньги на представительские расходы, понимаешь, да? Это подкуп нужных людей, чиновников разных рангов, на легальные налоги, штрафы, взятки, одним словом: непредвиденные расходы.

Бакаев с неподдельным вниманием продолжал слушать своего нового шефа и с каждым его, словом ещё больше проникался в предстоящие аферы. Он даже успел представить себя таким

крутым бизнесменом, вращающимся в нужных кругах портовых и таможенных чиновников Турции. Его мечты озарялись буйной фантазией, и он представлял себя уже таким новоявленным Остапом Бендером, стремящимся к шикарной жизни, где-нибудь в Бразильском Рио-де-Жанейро на мостике белоснежной яхты с шикарной моделью под боком и видным особняком на берегу моря. Он так чётко себе это представил, что даже забыл, где находится. В мыслях он был на своей белоснежной яхте в таком же белоснежном костюме с капитанскими регалиями и кепке с якорем вместо флотского краба. Но мечты его снова прервал сиплый баритон шефа, продолжающего свою неутомимую речь:

— И последнее, — понизил голос Гриф и, почти перейдя на шёпот, продолжил. — В тачках, упакованных в контейнерах, может быть дополнительный груз. Если будет такой груз, ты будешь поставлен в известность. Тогда твоя основная обязанность обеспечить особую безопасную и безупречную переправу. А груз может быть разный, но всё равно опасный, от психотропных ингредиентов для изготовления экстази и до взрывчатки или оружия, всего того, на чём можно хорошо заработать. Сам понимаешь: большие деньги всегда ходят под ручку с большим риском, усёк? — он посмотрел на Бакаева

испытывающим взглядом и подчеркнул важность сказанного, делая ударение на последней реплике. — Там, брат, где делаются большие деньги, там всегда нужен усиленный контроль. Для этого я пришлю тебе одного молодого бойца, которого ты посадишь на теплоход «Медуза». Он имеет все необходимые морские документы, прошёл спец подготовку в наших лагерях и курсы морских стюардов. Организация посадки на судно уже оговорена с капитаном. Он наш человек, азербайджанец Бабаев Эльдар Мамед-оглы. Конечно он в курсе нашего бизнеса, касательно тачек, даже в курсе, что они не чистые, но о других делах он ничего не знает. Он месяц назад, как принял судно. Наши люди вышли на него в Италии и, можно сказать, купили. Короче нам предстоят великие дела. Вот тебе номера мобильных телефонов, через которые ты будешь держать связь со мной и Бабаевым, а как общаться по телефону тебя научит Рустам.

Вот на сегодня, пожалуй, и всё. — Гриф сделал записи, в вырванном из записной книжки листике, и вручил его Акеле, после чего ещё минут двадцать назидательно инструктировал его и подробно объяснял саму суть роли звена Аслана в замкнутой цепи общего порочного бизнеса.

Бакаев прекрасно понимал цену ошибки, которую в этом бизнесе, уже ничем не исправишь,

даже ценой собственной жизни. Ошибка в любом звене повлечёт за собой фиаско всего бизнеса, тщательно просчитанного и скрупулёзно продуманного.

Пообщавшись с Грифом, Акела удалился с Рустамом в другую комнату, и битый час записывал условные фразы, необходимые для конспиративной беседы с разными участниками бизнеса, относительно общения по мобильному телефону.

Покончив с делами, Акела тепло распрощался с Грифом и Рустамом, обнадёжив их своей преданностью и готовностью постоять за общие интересы.

Уже находясь в своей квартире, Бакаев пригубил бокал ароматного «Наполеона», приятно согревшего кровь, после такой важной продуктивной беседы. Отпустив Джина, он надолго остался один. Его пассия, отпущенная ещё с утра, продолжала делать шоппинг и в гнёздышко к своему покровителю, явно не торопилась. Было время глубже проникнуться размахом задуманного дела. Он полностью осознавал, что этот бизнес глубоко криминальный и даже представлял, какова опасность скрыта в процессе всего бизнеса и, чем грозит провал любой сделки на каждом этапе её продвижения. Он так же догадывался, что большая часть средств от этого дела пойдёт на расширение борьбы за свободную Ичкерия. Он понимал и то,

что полевые бойцы, находящиеся на передовой, находились в положении намного хуже, чем сам Акела и его шакалы.

2

Когда самолёт набрал высоту и земля под крыльями «Боинга 347» напоминала географический атлас, Залесский оторвал свой взгляд от иллюминатора и взглянул на своего соседа, который внимательно следил за мимикой стюардессы, стоявшей в двери, разделяющей салоны бизнес и эконом класса. Стюардесса проводила инструктаж и показывала пассажирам эконом класса средства индивидуальной безопасности. Жестикулируя руками под голос динамиков, звучавший на английском языке, а затем и на турецком, она просто дублировала его. Эконом классом летели, в основном люди среднего достатка. Это были чиновники и бизнесмены, туристы и специалисты разных профессий, убывающие в силу своей важной занятости в другие страны. Все пассажиры были разных национальностей, но их объединяла только одна общая цель — надежда на благополучную посадку в аэропорту Стамбула. Среди пассажиров эконом класса Николай заметил группу мужчин, которые громко общались между собой. По их разговорам

он понял, что это были его коллеги. Экипаж следовал на судно от компании «Торговый флот Донбасса». Моряки летели в Каир транзитом через Стамбул, а дальше в порт Саид, где у них намечалась смена экипажа. Николай же, летел в Тунис и, тоже транзитом. Самолёт на Тунис улетал только на следующие сутки, поэтому ему было о чём задуматься, и он размышлял над тем, как можно распорядиться свободным временем, находясь в «городе контрастов» — древнем Стамбуле. Жаль, он этот вопрос не обсудил с Виктором заранее. Поняв, что моряки ему не попутчики, Залесский попытался завести разговор с соседом, что сидел по правую руку от него. Сосед отлично разговаривал на английском и в совершенстве владел русским, так что беседа завязалась самая дружеская. Николай сообщил немного о себе, а от соседа узнал, что тот житель Стамбула и в Украину летал по служебным делам, отрекомендовавшись Николаю инспектором Интерпола. Это был миловидный молодой мужчина с ниточкой Донжуановских усиков под, совсем не турецким, прямым носом. Его сосредоточенный взгляд, таил в глубине карих глаз пронизательность и хладнокровие, чередующееся, с неподдельным любопытством и азиатской хитростью. Он не переставал вертеть в руках брошюрку с описанием и инструктажем по использованию

индивидуальных спасательных средств, находящихся на борту воздушного лайнера. Самолёт набрал должную высоту и стюардессы заняли проход, двигая впереди себя тележку с товарами от «Duty-free» Турецких авиалиний, предлагая любопытным пассажирам разнообразный товар: от сигарет и парфюмерии до алкогольных напитков и кондитерских изделий. Залесский не стал приобретать себе покупки и взглянул в иллюминатор. Внизу под крылом самолёта просторно расстиралось снежно-белым бескрайним ковром дугообразное поле облаков, плавно округлившись к овальной линии горизонта. Блеском ослепительного сапфира была в глаза небесная синева, заполнив бескрайние просторы стратосферы. Николай увидел, как параллельным курсом летел маленькой серебристой стрелой встречный самолёт, оставляя за собой широкий туманный шлейф выхлопных газов. А где-то внизу за облаками жили своей повседневной жизнью украинские города и сёла, родные степи и зеленеющие леса. Там внизу осталась припавшая к сердцу Одесса, родная семья, близкие товарищи, домашние хлопоты и уйма не свершившихся дел.

В проходе между пассажирскими креслами снова засуетились молоденькие стюардессы, раздававшие наборчики с незатейливым ланчем, и пассажиры эконома класса не без энтузиазма взялись

подготавливать под трапезу откидные подставки, находящиеся на каждом соседнем впереди стоящем кресле. Стюардессы уже приближались и сосед Залесского на хорошем русском языке спросил Николая:

— Извините, что вы желаете выпить? Можно сок, вино белое или красное и пиво?

— Если можно, то красное вино, пожалуйста? — попросил Залесский, разглядывая содержимое аккуратно занимавшее свои места в никелированной тележке.

Сосед, выслушав Залесского, сразу перевёл его просьбу стюардессе на турецкий язык. Девушки тут же, ловкими отработанными движениями передали Николаю поднос с едой и триста граммовую бутылочку красного итальянского «мерло». Сосед себе тоже взял красное вино и стал раскладывать еду на своём откидном столике. Николай последовал его примеру и через пару минут они не спеша умело откупоривали отвинчивающиеся пробки на маленьких бутылочках. Налив себе половину одноразового стаканчика, Залесский откусал немножко неказистого огуречного салатика и предложил тост:

— За здоровье и благополучную посадку!

Сосед присоединился к такому тосту и они, выпив по несколько глотков вина, принялись пробовать поджаренную в кляре грудинку

цыплёнка, разогретую перед раздачей пассажирам, в микроволновке. Второй тост предложил сосед, и пришлось выпить за знакомство. Соседа звали Али, и он оказался весьма словоохотливым.

Между ними завязалась нормальная человеческая беседа, как часто бывает в пути. Из дальнейшего разговора Николай узнал, что Али не только есть представитель филиала «Интерпола» в Турции, но и то, что он в последнее время очень тесно сотрудничает с украинским СБУ, налаживая интерполовскую сеть в Украине. Али проживал в Анкаре, но по долгу своей служебной деятельности часто бывал в турецких портах, особенно в Стамбуле, так, что Стамбул он знал, как свой родной город. Словоохотливый Али согласился помочь Николаю с определением его в гостиницу и даже вручил свою визитку с номерами мобильного, рабочего и домашнего телефонов. Николай коротко рассказал Али о себе и цели своей поездки в Тунис. Так в разговоре коротая время, незаметно пролетели над Чёрным морем и самолёт стал снижаться. Беспокойный голос из динамиков предупредил спавших пассажиров, и пассажиры оживлённо стали приводить спинки своих кресел в нормальное положение, пристегнули откидные столики и застегнули ремни безопасности. Николай предупредил Али, что он летит с коллегой и Али согласился оказать помощь украинским морякам.